

ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ X.100.**КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНОГЕНЕЗА, ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА НАРОДОВ, СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНОМ МИРЕ**

Программа X.100.1. Освоение первобытным человеком Северной Евразии: становление культурных традиций, эволюция рода *Homo* и развитие природной среды (координатор докт. ист. наук М. В. Шуньков)

В Институте археологии и этнографии выделена особая сибирячихинская линия развития в среднем палеолите Алтая. Она представлена технокомплексами из пещер Чагырской и Окладникова, для которых характерны радиальные технологии расщепления горных пород, массовое производство угловатых заготовок и хорошо выраженная мустьерская типология каменного инвентаря. Судя по морфологическим особенностям и палеогенетическому анализу обнаруженных в пещерах антропологических останков, носителями этой культурной традиции были представители неандертальского вида *Homo*. Возрастные показатели

сибирячихинского варианта соответствуют второй половине верхнего плейстоцена, а малочисленность памятников свидетельствует о небольшой группе его носителей, мигрировавших на Алтай из западных районов Азии (рис. 1).

В том же Институте на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня выделен обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту, сформировавшийся в результате культурного взаимодействия ближневосточных пластинчатых леваллуазских индустрий и загросского мустье. Выявлена специфическая особенность обирахматского варианта – ран-

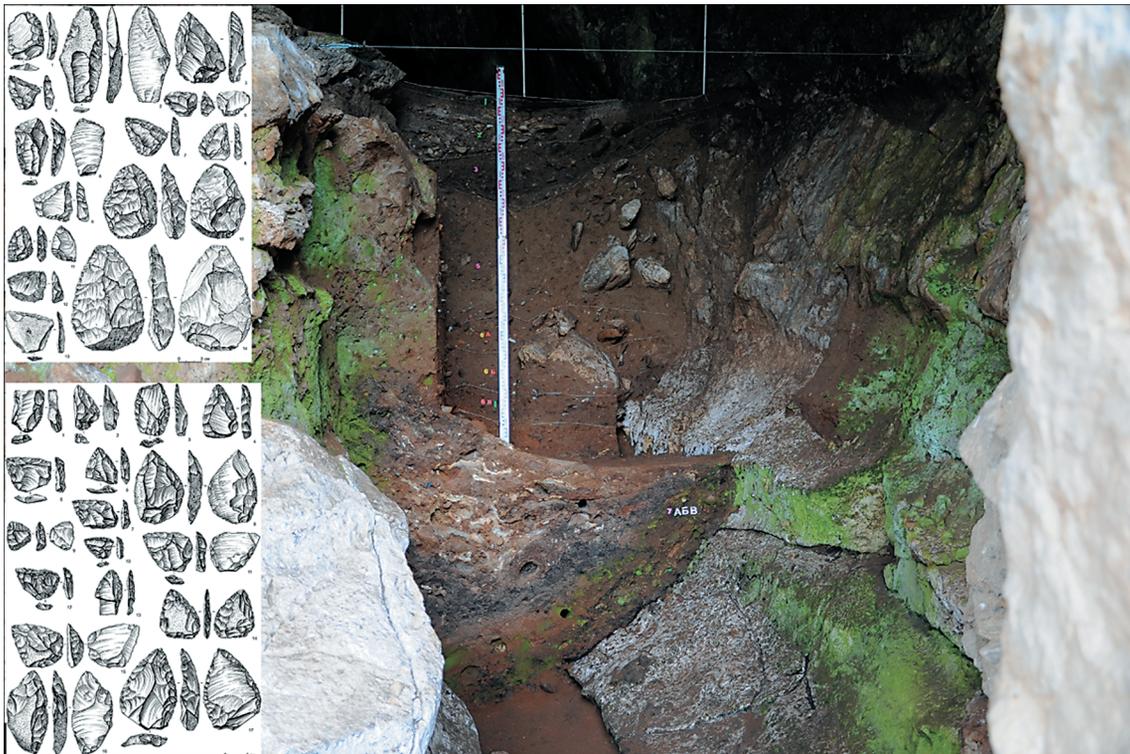

Рис. 1. Разрез плейстоценовых отложений пещеры Чагырской. Образцы орудий сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая.

Рис. 2. Мелкопластинчатые технологии в индустриях обирахматского варианта перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии.

нее появление вариабельного мелко- и микропластинчатого расщепления. Доказана принадлежность пластинчатых индустрий стоянок Оби-Рахмат, Худжи, Дусти, Хонако, Кульбулак к единой культурной традиции, существовав-

шей в регионе от 80–70 тыс. до 40–35 тыс. лет назад (рис. 2). Техничко-типологический и корреляционный анализы атрибутировали эти индустриальные комплексы как переходные от среднего к верхнему палеолиту.

Программа X.100.2. От первобытности к цивилизации: этнокультурные процессы в Евразии в эпоху палеометалла и в средневековье (координатор акад. В. И. Молодин)

Использование в Институте археологии и этнографии современных цифровых технологий в изучении наскальных изображений позволило увидеть и скопировать почти исчезнувшие линии, не доступные невооруженному глазу. В результате были получены цифровые отображения древних гравюр, на которых присутствуют тончайшие полустершиеся линии и мельчайшие детали рисунков, нюансы технического исполнения, практически невидимые на оригинальной скальной поверхности (рис. 3). Определены технологические особенности петроглифов Саяно-Алтая и некоторых памятников Минусинской котловины, обусловленные качеством скальных поверхностей и культурными традициями создателей

петроглифов (выявлены различные техники нанесения рисунков на скальные поверхности – выбивка, шлифовка, гравировка). Благодаря полученным результатам кардинально изменена датировка нескольких базовых и крупных памятников наскального искусства (Улан-Байтог, Лянищенская писаница).

В том же Институте изучен ритуальный центр восточного варианта пахомовской культуры, содержащий наземные постройки различной площади; ритуальные ямы со следами жертвоприношений: фрагменты глиняной посуды, остатки мясной и рыбной пищи, предметы бронзолитейного производства. Отличительной особенностью данных сооружений является наличие в каждой конструкции

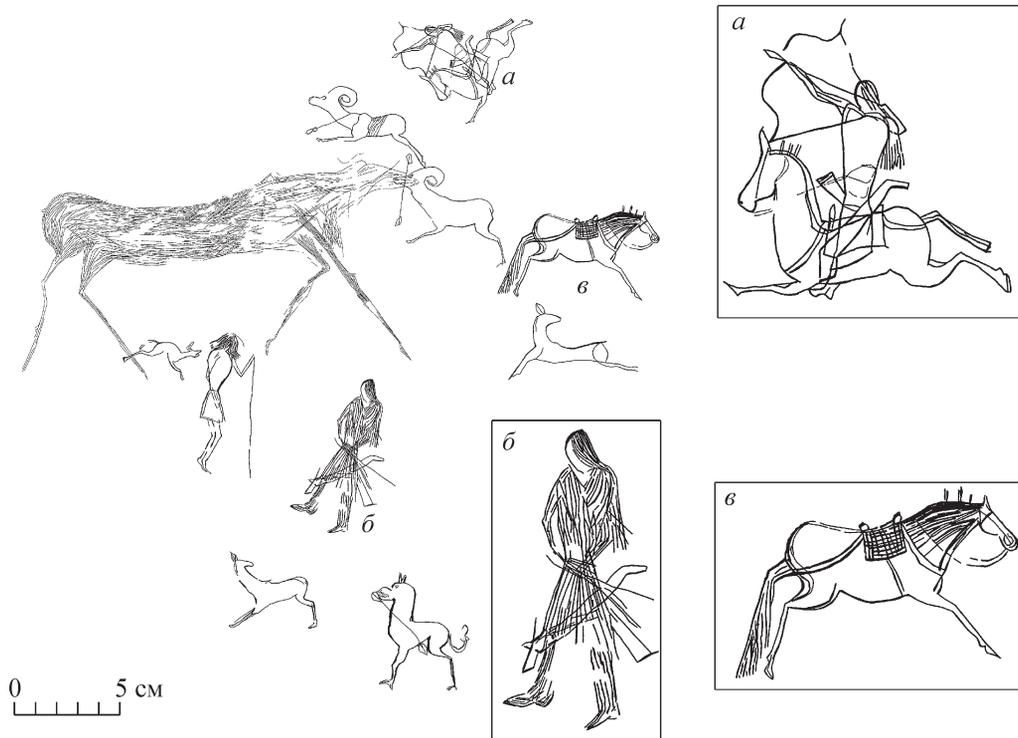

Рис. 3. Древнетюркские гравюры Юго-Восточного Алтая. Памятник Соок-Тыт.

бронзовых наконечников копий и кельта. Исследуемый комплекс представляет собой чрезвычайно редкое явление среди культур позднебронзовой эпохи Западносибирской равнины. В керамической коллекции отмечено сочетание пахомовской и позднеирменской традиций, что свидетельствует о датировке пахомовских памятников Барабы финальной стадией бронзового века, и об интеграции пришлого (пахомовского) и автохтонного (позднеирменского) населения.

В Институте проблем освоения Севера выявлено, что на рубеже III–II и начале II тыс. лет до н.э. в Тоболо-Ишимском междуречье в культуре аборигенного притобольского байрыкского населения последовательно формируются симбиозные ташковские и коптяковские комплексы, вероятно, вследствие инокультурных компонентов, постепенно проникавших с запада. Природных предпосылок к этому обнаружить не удалось, выраженных ландшафтных изменений, аридизации или остепнения территории не выявлено. Тем не менее, явные свидетельства взаимодействия прослеживаются в керамическом производстве (рис. 4). Так, в ташковском преимущественно гребенчато-ямочном орнаментальном комплексе появляются отступающе-прочерченные геометрические узоры, а по технологии изго-

товления и по орнаментации коптяковской посуды одной из ее основ является алакульская традиция. При архаичной форме экономики с присваивающей системой хозяйства, по всей видимости, ташковцы были приобщены к металлургической отрасли. Однако сразу начали использование легированных, в том числе оловянных, искусственных сплавов, скорее всего миновав начальные этапы освоения меди благодаря металлургическим связям и контактам с турбинскими, синташтинскими, возможно, и петровскими популяциями. О проникновении в местную культурную среду западных металлургов, скотоводов и, вероятно, земледельцев, свидетельствует также пыльца культурных злаков (пшеницы) из культурного слоя с коптяковскими материалами поселения Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье.

В Институте экологии человека впервые для Барабинской лесостепи на поселении Автодром 2 по результатам стратиграфических и типолого-морфологических наблюдений выделен комплекс раннего и начала развитого периодов эпохи бронзы. Изучено жилище, сооружение которого связано с практикой вторичного использования западин от жилых строений эпохи неолита. Культурно-хронологический анализ полученной в жилище керамики позволяет предварительно датировать комплекс серединой–концом III тыс. до н.э.

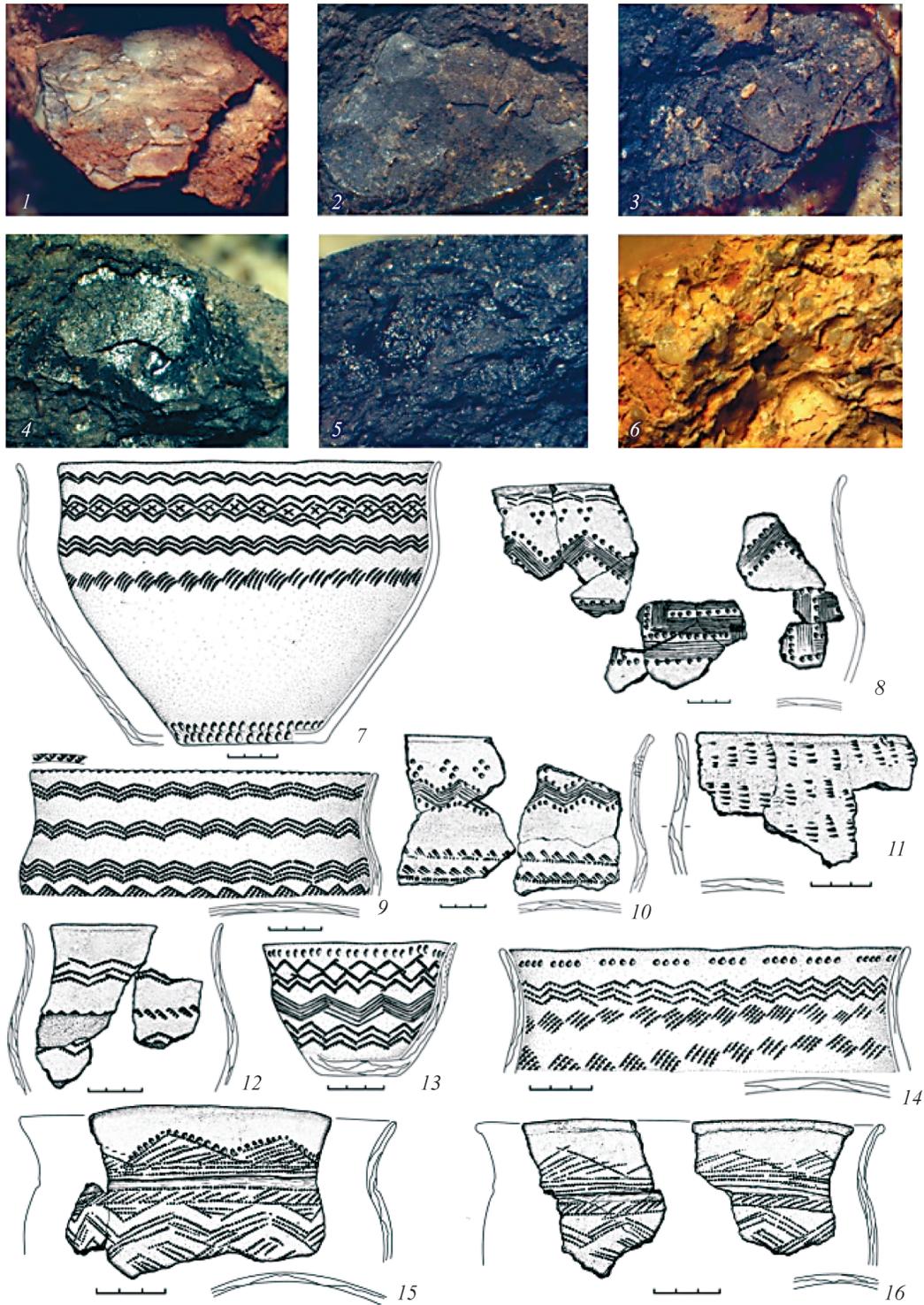

Рис. 4. Микроснимки естественных (1–3 – фрагменты чешуи рыбы) и искусственных (4, 5 – следы органического раствора; 6 – песок) примесей в изломах керамики коптяковской культуры, особенности конструирования сосудов коптяковской культуры (7–16).

Программа Х.100.3. Традиционное мировоззрение и социокультурное развитие народов Сибири: способы устойчивости, пути изменений (координатор докт. ист. наук Н. А. Томилов)

В Институте археологии и этнографии завершен детальный анализ традиционного мировоззрения сибирских татар. Определено, что пандемониум сибирских татар относится к сибирскому, северному варианту, характерному для народов с преобладающими присваивающими формами хозяйственной деятельности и скотоводства, в частности для хантов, манси, селькупов и т. д. Среднеазиатские же персонажи, закрепившиеся в демонологии сибирских татар, имеют значение лишь для отдельных производящих отраслей хозяйства, в частности для животноводства. Выявлено, что мусульманство, повлиявшее на мировоззрение сибирских татар, не подчинило себе целиком весь круг мифологических персонажей: многие из них сохранили свою архаичную форму. Те персонажи, на которые ислам оказал влияние, получили свою специфически местную окраску и отличаются по функциям от многих персон, бытующих с подобными названиями в мировоззрении ряда других народов, также подвергшихся исламизации.

В том же Институте выявлен комплекс факторов, влиявших на модернизацию жилищ-

но-поселенческого комплекса кударинских бурят (Забайкалье) во второй половине XIX–начале XX вв. Жилищно-поселенческая культура бурят испытывала влияние русской городской и сельской культуры, особенно в зонах интенсивного межэтнического контакта (рис. 5). Торговля с Китаем и входившей в ее состав Внешней Монголией, а также укрепление буддизма в ряде этнотерриториальных групп поддерживали связи бурят с центрально-азиатской культурной общностью, что проявлялось и в интерьере жилища. Медиаторами во включении инокультурных предметов в традиционную обстановку бурятского жилища выступали состоятельные люди. Установлено, что на развитии жилищно-поселенческого комплекса кударинских бурят негативно сказались последствия землетрясения 1862 г., приведшие к исчезновению части улусов и заметной миграции населения. В структуре поселений преобладали небольшие населенные пункты. Новыми явлениями в развитии поселений были возникновение заимок, использование уличной планировки во вновь образованных улусах, рост числа строений религиозного и общественного назначения.

Рис. 5. Внутренний вид восьмистенной юрты (предбайкальские буряты) (Этнографический музей народов Забайкалья, г. Улан-Удэ).

Программа X.100.4. Генезис и взаимодействие этнокультурных и социальных общностей в пространстве Севера (координаторы докт. ист. наук А. Н. Алексеев, докт. ист. наук А. Н. Багашев)

В Институте проблем освоения Севера в результате изучения палеоантропологических материалов аборигенных памятников севера Западной Сибири установлено, что палеопопуляции из святилища Усть-Полуй и могильника Зеленый Яр имеют разное происхождение. Формирование особенностей морфологического типа черепов Усть-Полуя протекало в западносибирском вторичном очаге расообразования и сопряжено с генезисом обь-иртышских популяций в южном третичном очаге, который связан с южносамодийской линией развития (селькупы). Палеопопуляция из могильника Зеленый Яр обнаруживает расогенетическое сходство преимущественно с северными самодийцами (тундровыми сибирскими ненцами), но таксономически может быть отнесена к енисейской группе популяций североазиатской формации. Таким образом, комплекс призна-

ков заметно дистанцирует морфологический облик зеленоярской выборки как от представителей собственно уральского антропологического типа (обские угры), так и от представителей обь-иртышского типа (нарымские селькупы, томско-чулымские тюрки) западносибирской локальной расы. На основе анализа краниологических материалов была проведена пластическая реконструкция внешности мужчины, захороненного в погребении 27 могильника Зеленый Яр, и женщины, захороненной в погребении святилища Усть-Полуй (рис. 6). Выполненные реконструкции не только показывают облик представителей населения древности, но и дают возможность сопоставить физиономическую характеристику древнего и современного населения Западной Сибири.

В том же Институте на основании полевых этнографических материалов, анализа картографических и архивных источников определены основные тенденции расселения и закрепления населения в таежной зоне Западной Сибири в конце X–XX вв. Так, для юганских хантов (жителей бассейна реки Бол. Юган) и эвенков выявлены места покинутых поселений и реконструированы маршруты заселения бассейна р. Демьянка (рис. 7). Показано, что хозяйственные интересы имели приоритетную роль на начальном этапе освоения территории юганскими хантами (XIX–перв. треть XX вв.), на последующем этапе ее заселения (1940–1960 гг.) на первый план вышли мотивы поддержания торгово-обменных связей, социальных контактов, религиозно-культурные потребности и стремление уйти из-под контроля органов советской власти в труднодоступные районы. Таким образом, показано, что для коренных народов Западной Сибири водно-болотные комплексы не являются препятствием для миграций и могут выступать естественным ландшафтным убежищем этнических коллективов в периоды высокой социальной напряженности. Процесс заселения территории таежного Прииртышья коми-переселенцами имел иные особенности, связанные с успешным освоением наиболее северных окраин региона, активными контактами с коренными жителями и обширностью промысловых ареалов.

В Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера от-

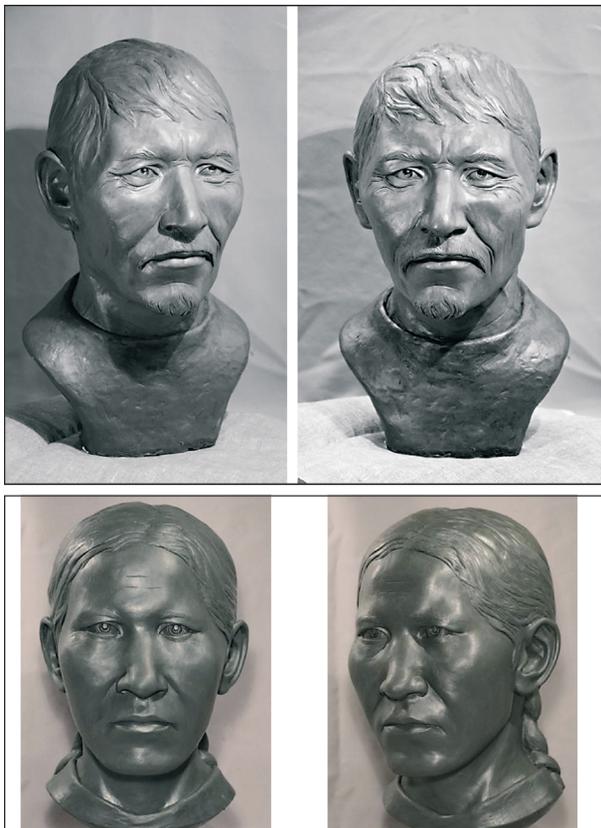

Рис. 6. Антропологическая реконструкция лица. Сверху – скульптурный портрет мужчины по материалам XIII в. из могильника Зеленый Яр; снизу – скульптурный портрет женщины по материалам святилища Усть-Полуй (эпоха раннего железа).

